

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Александр Логачев

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

*Что нашим
врагам нравится,
то нам вредно.*

И. В. Сталин

ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА

«КРЫЛОВ»

Капитан госбезопасности

Александр Логачев

**Капитан госбезопасности.
Линия Маннергейма**

«Крылов»

2016

УДК 177.5
ББК 88.5

Логачев А.

Капитан госбезопасности. Линия Маннергейма
/ А. Логачев — «Крылов», 2016 — (Капитан
госбезопасности)

ISBN 978-5-4226-0274-2

Идет Зимняя (советско-финская) война. Волею судеб и обстоятельств капитан госбезопасности Шепелев и его опергруппа оказываются в прифронтовой полосе. В тиши лесов и снегов, среди заброшенных и обитаемых финских хуторов, поблизости от расположения частей Красной Армии и на подступах к линии Маннергейма действуют вражеские шпионы и диверсанты: финские, шведские, немецкие. Капитан госбезопасности Шепелев и его опергруппа вступают в борьбу со шпионами и диверсантами.. Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0274-2

© Логачев А., 2016
© Крылов, 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Логачев Капитан госбезопасности: Линия Маннергейма

*Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой...*

А. Твардовский «Две строчки»

Глава первая Выставка адмирала Канариса

«В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР...»

Из секретного дополнительного протокола к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года

Сын владельца фабрики роялей из Саарбрюккена, юрист по образованию и авантюрист по складу характера Вальтер Шелленберг до сих пор каждый день приходил чуть ли не в мальчишеское восхищение от своего нового служебного кабинета, оснащенного, можно сказать, всеми чудесами современной техники. Впрочем, совсем не много времени прошло, как он занял этот кабинет. Кабинет руководителя отдела контрразведки гестапо. А может, это бродил в нем, как дрожжи в вине, никак не утихающий восторг оттого, что столь высокого положения удалось достичь всего-то к двадцати девяти годам.

Впрочем, останавливаться, довольствоваться достигнутым и даже притормаживать в своем восхождении на монблан третьего рейха Вальтер не собирался. Потому что он причислял себя к тем, кем восхищался, а восхищался он торжествующей волей героических личностей. Да, черт возьми, разве он менее талантлив, напорист и предан национал-социалистской идее, чем Гейдрих, Кейтель, Борман, Гесс и Гиммлер? И необходимо каждый день делать шаг или шажок, или хотя бы всего лишь занести ногу над следующей ступенью лестницы, ведущей к подножию трона.

Сегодняшний день еще не закончился, но можно уже подводить его итоги. Шелленберг протянул руку и включил настольную лампу. В нее, как и в потолочный светильник, как в обивку стен и письменный стол, были вмонтированы подслушивающие устройства, автоматически фиксирующие все комнатные звуки вплоть до шороха, поднимаемого трущей лапка о лапку мухой.

От света, выплеснувшего из-под абажура, блеснул в перстне на пальце правой руки бардовый карбункул. Под камнем находилась капсула с цианистым калием. Что ж, это издержки профессии. Приходится быть готовым к любому развитию событий. И заставляют быть готовым. Например, не по своей охоте, а согласно служебному предписанию, он обязан, отправляясь по делам службы за границу, надевать на зуб коронку с заключенной в ней ампулой того же цианистого калия. *В руки противника разведчик его уровня живым попасть права не имеет.*

Итак, сегодняшний день. Обед у Гитлера и выставка трофеев, устроенная Канарисом для фюрера. За последние три месяца Шелленберг уже второй раз удостоился быть званым на обед в обществе первых лиц рейха. Еще год назад, какое год... несколько месяцев назад... он и представить себе не мог, что полетит на такой высоте. Однако, как античный Икар, он сам себе сотворил крылья и сам себя вознес. Сотворил своими талантами, а не чьим-то покровительством.

Вальтер Шелленберг

Но Вальтер понимал, что расположение фюрера к нему не продлится долго, если его не подпитывать, как поступают крестьяне со своими виноградниками. Адольф скоро потеряет

интерес к нему, к руководителю всего лишь одного из отделов четвертого управления РСХА. А если потеряет интерес, то карьера перестанет развиваться столь стремительно, как она развивается сейчас, благодаря блестяще проведенной им, Шелленбергом, два месяца назад «Операции Венло». Операции, когда он по сути в одиночку захватил и вывез с территории Голландии двух высокопоставленных офицеров британской разведки, которых здесь – в чем никто и не сомневался – заставили разговариваться, и они выдали столько сведений, что... Ха, теперь британцам, чтобы восстановить нормальную работу своей разведсети в Европе потребуется гораздо больше времени, чем осталось у них до капитуляции.

Может быть, немного мальчишеское желание во что бы то ни стало быть замеченным и отмеченным Гитлером заставляло его сегодня за столом противоречить фюреру. К этому, конечно, подтолкнуло Вальтера и то, что вождь пребывал во время обеда в благодушном настроении. И Шелленберг посмел несколько раз возразить Адольфу. Например, усомниться в целесообразности строительства огромного подводного флота. Ведь это не может не отразиться замедлением темпов развития военной промышленности в других отраслях. А подводный флот – действенное оружие только против Англии, в то время как основная угроза исходит с Востока. Когда Шелленберг произносил это, то почувствовал – не в первый раз за сегодняшний обед – как Гиммлер бьет его под столом по ноге, и поймал испепеляющий взгляд Бормана. Но все-таки довел мысль до конца.

Гитлер оторвался от своих кукурузных початков (сегодняшний, как всегда, диетический обед вождя состоял из вареных кукурузы и гороховых стручков, которые он запивал минеральной водой) и рассмеялся. Да, в прекрасном состоянии духа находился сегодня вождь.

– Вы, Шелленберг, решили, что я хочу ввести в Англию войска и заставить Черчилля маршировать, – сказал фюрер. – Англичанам хватит бомбежек и морской блокады, чтобы с них слетела спесь, чтобы они опустили подбородки и признали себя побежденными. За то, что мы не будем их добивать, они согласятся слиться с нами в единое целое. Это возможно, мы ведь одной с ними расы. С падением Англии мы будем единолично править Европой, и тогда Восток не будет представлять для нас никакой опасности. А морскую блокаду Англии, Шелленберг, можно успешно осуществить лишь подводным флотом. Только подводным флотом.

После чего вмешался доктор Геббельс. Опасаясь, что молодой наглец продолжит спорить с вождем, министр пропаганды взял застольный разговор в свои руки, перевел его на другую, любимую им в последнее время тему – о перспективах телевидения. Гитлер тоже охотно поддерживал беседы о будущем телевидения. И они заговорили о том, что, оккупировав Францию, надо будет установить на знаменитой Эйфелевой башне ретранслятор¹, а изготовить его необходимо уже сейчас.

Впрочем, может быть, не так уж и опрометчиво он поступал, возражая Гитлеру, подумал Шелленберг сейчас, сидя за столом в своем кабинете и в задумчивости водя пальцем под крышкой стола вокруг автоматной кнопки. Стоило ее нажать, и два вмонтированных в стол автомата начнут поливать свинцом кабинет. А их стволы нацеливались автоматически на вошедшего, стоило открыться кабинетной двери. Рядом с этой находилась другая кнопка, по нажатию которой в здании поднималась тревога и все выходы блокировались охраной.

Фюреру уже могло и надоесть, что все и во всем с ним соглашаются. Да, мой фюрер, так точно, мой фюрер. Адольфу как раз может и не хватать свежести встречного ветра.

Шелленберг встал, вышел из-за письменного стола. В движении ему думалось лучше.

¹ Что и было сделано в июле 1940 года. Идеи Геббельса об использовании телевидения в целях пропаганды путем навязывания обывателю запоминающихся телеобразов живут и здравствуют до сих пор по всем каналам. Любая реклама какого-нибудь стирального порошка – не что иное, как профанированная пропагандистская идея доктора Геббельса.

Итак, после обеда они поехали в Тегель² в один из учебных центров ведомства Канариса. Там базировался подотдел «2-А», спецподразделение абвера, готовящее диверсантов для работы против Советского Союза.

Встретивший фюрера и свиту адмирал Канарис провел их сначала в одну из химических лабораторий. Гитлер пришел в полный восторг, слушая лекцию о предназначении жидкостей и порошков разных цветов, пробирки и ампулы с которыми он брал в руки и смотрел на свет. Начальник лаборатории, представленный как доктор Йоганн, с алхимическим бесом в глазах расписывал, не жалея сочных эпитетов, что могут сделать с людьми, нациями и расами какие-то крупинки или кристаллики. Одна пробирка заменит танковый корпус, одна ампула сделает работу дивизии вермахта. Есть препараты, которые действуют мгновенно, а есть напротив такие, что довершают свою работу только спустя месяцы и годы.

Возбуждение охватило присутствовавших. Посыпались предложения, как завтра... нет, уже сегодня следует использовать достижения немецких ученых. Гиммлер предложил: не жалея средств, внедрять на советские винные заводы лучших агентов и наводнить Советы винами, отравленными химикатами замедленного действия. Русские очень много пьют, это можно, это нужно использовать. Через год-другой, когда в Советском Союзе вспыхнет пандемия, они, конечно, спохватятся, но будет уже поздно. Мужчины боеспособного возраста уже превратятся к тому времени в калек.

— Русские не пьют вина, — сказал на это Гитлер. — Они предпочитают шнапс, называя его водкой. Но от этого ваше предложение не делается менее интересным.

Потом они прошли в спортзал, где адмирал устроил специально для фюрера маленькую выставку. Канарис решил продемонстрировать, что абвер не бездействует, абвер использует все возможности, в том числе и войну, затеянную Сталиным против Финляндии, чтобы добывать новую информацию. И делает это с успехом. Чтобы похвастаться успехами, и зазвал адмирал Канарис фюрера на базу в Тегеле.

Адмирал вел Гитлера вдоль столов, расставленных в спортзале по периметру, на столах лежали трофеи. Вальтер Шелленберг обходил зал вместе со всеми, держась в хвосте свиты вождя.

— Вот чем воюют русские, мой фюрер, — Канарис лично давал пояснения Гитлеру. — Посмотрите сюда, это их стрелковое оружие. Большинство русских солдат вооружены магазинной винтовкой со скользящим затвором образца девяносто первого года прошлого века. А сейчас, мой фюрер, оторвите взгляд от этого кремневого ружья и переведите его на главный экспонат на этом столе. Так называемый, станковый пулемет системы Дегтярева, принят русскими на вооружение только в сентябре тридцать девятого. Нам удалось заполучить его благодаря финской кампании Сталина, — адмирал похлопал, как любимого коня по спине, по стволу пулемета, упирающегося в стол треножным станком. — Меняет темп стрельбы от шестисот выстрелов в минуту по наземным до тысячи двухсот по воздушным целям. Русские предусмотрели в конструкции смену нагретого ствола. Но наши эксперты находят его ненадежным. Повышенная чувствительность к запылению, низкая живучесть основных деталей. А это, — адмирал взял в руки со стола другую винтовку, — новейший образец советского полуавтоматического оружия. Самозарядная винтовка³.

Оказывается, она очень подводит русских, потому что чрезвычайно чувствительна к морозу и грязи. И вообще русские плохо готовы к войне в своем климате, мой фюрер. Их табельная смазка замерзает при сильном морозе. Там сейчас минус тридцать пять по Цельсию считается теплым днем.

² Город под Берлином

³ Самозарядная винтовка Токарева (СВТ), разработана в 1938 году.

– Как же они обходятся без смазки? – Гитлер покачивался с пятки на носок, засунув правую руку между пуговиц френча, левую заведя за спину.

– Моют оружие в керосине, потом вытирают насухо. Русские придумывают по ходу кампании множество, как они сами это называют, солдатских хитростей, которые позволяют им частично компенсировать их техническую отсталость и недостатки в снабжении. Например, не хватает санитарных носилок – они их изготавливают тут же, просовывая в рукава шинели лыжи, и эвакуируют раненых. Или солдатам негде согреться – они додумались соорудить из танкового чехла на моторном отделении танка палатки, которые наполняются теплым воздухом из воздушного кармана вентилятора.

– Дикари. Низшая раса. Лишний раз убеждаешься. Какие-то варварские, туземные выдумки вместо нормальной организации военного дела, – Гитлер резко повернул голову к стоявшим за спиной соратникам, его косая челка взметнулась. – Как вообще можно воевать на таком холоде, не понимаю!

Перешли к следующему столу. На нем стояло невысокое сооружение из трех металлических щитов: одного прямоугольного с овальным вырезом по центру и двух треугольных по бокам.

– Вот любопытный образец их военной мысли, – продолжал свою экскурсию Канарис. – Так называемый бронещиток. Их применяли еще в войне четырнадцатого года, потом о них забыли, но русские неожиданно вспомнили и сейчас в больших количествах изготавливают и переправляют на фронт. Если предстоит использовать наши пехотные части зимой в условиях... э-э... идентичных русским, то это изделие можно заимствовать и для нашего солдата. Немного модернизировать его, наварив металлические полозья, и получатся санки, которые можно тащить за собой на веревке, перевоза в них то, что не поместилось в ранец. А в случае атаки щиток переворачивается, за ним прячется солдат и сквозь амбразуру ведет ответный огонь.

– Что это за тряпка? – фюрер показал на лежащий возле щитка темно-серый комок с красной тряпичной звездой.

– Это их головной убор, мой фюрер. Они называют его «будонофка»⁴, – адмирал взял со стола и развернул сферический колпак, сшитый из шести одинаковых клиньев, оканчивающихся невысоким наверхием из обтяжной пуговицы. – Очень непрактичен, как и все обмундирование русского солдата. В сильный мороз в нем холодно. На него плохо натягивается каска, мешает эта часть убора, – адмирал дотронулся пальцем до шишака, – поэтому русские часто идут в атаку без касок. А достаточного легкого ранения головы и сукно пропитывается кровью, кровь на морозе стынет, «будонофка» прилипает к голове так, что отдирать ее приходится вместе с волосами.

Гитлер слушал и удовлетворенно кивал, выставка Канариса приносила ему удовольствие.

Потом адмирал показал русские средства связи, значительно уступающие немецким аналогам, русский гранатомет, сотворенный из древнего образца винтовки, пулеметы – системы «Дегтярев пехотный» и модернизированный уже в финскую кампанию «Максим» с расширенной горловиной наверху рифленого кожуха, чтобы можно было заполнять охладитель снегом и льдом. Смотрели экипировку русских летчиков и танкистов.

– А вот, мой фюрер, – адмирал подвел Гитлера к столу, на котором лежал большой металлический круг. В неторопливом течении голоса Канариса мелькнула серебряная спинка торжества, – часть шкуры одного из тех сталинских чудовищ, которых некоторые у

⁴ Островерхий шлем-буденовка входил в зимнюю форму одежды РККА. Последний образец буденовки ввели в 1927 году, несколько изменив покрой «богатырки» обр. 1919 г. Именно Зимняя война показала непрактичность, непригодность к сильным холодам этого головного убора и его стали срочно заменять ушанками уже во время войны. А официально буденовку отменили приказом в июле 1940 года.

нас так бояться. Это крышка люка опытного двухбашенного тяжелого танка, его русские сейчас обкатывают на войне. Танк подорвался на mine, и пока русские солдаты пробивались к нему, там успел побывать отряд финской разведки. К сожалению, финским разведчикам удалось снять с танка только крышку, но и этого, как вы сейчас поймете, мой фюрер, оказалось вполне достаточно. В нашей лаборатории сделали анализ брони, из которой изготовлена крышка, и выяснилось, что русские используют малоуглеродистую сталь. Так называемую сырую броню. И это называется последнее чудо советской техники! Для наших бронебойных снарядов пробить корпус такого танка все равно, что прострелить из браунинга фанерный щит. Так что, сталинское чудовище – типичный колосс на глиняных ногах⁵.

– Вот! – Гитлер повернулся на каблуках к выстроившимся за его спиной полукругом первым лицам рейха. Выбросил руку вперед, вытянув указательный палец. – Миф! Сколько раз я говорил вам об этом. Миф! Сталин заперся в своей конуре, никого не пускает и не выпускает и, пользуясь этим, создает мифы о своей непобедимости. Армия Сталина – это армия Чингисхана, которая хочет взять своим числом. Орда диких кочевников и не более того.

Фюрер сделал паузу, которую никто не посмел прервать. Потом продолжил.

– Армия Сталина обезглавлена. Восемьдесят процентов командных кадров уничтожено. Она ослаблена как никогда. Техника и вооружение отстают от мировых стандартов. Русские плохо одеты и обуты.

Потом Гитлер засмеялся своим резким, дребезжащим смехом, показывая, что сейчас он пошутит.

– Нужно воевать со Сталиным, пока кадры не выросли вновь, пока они не научились воевать, пока они не научились делать хорошие танки. Так что готовьтесь открывать фронт на Востоке!

Фюрер, не переставая смеяться, перешел к следующему столу...

Сейчас, вспоминая дневное посещение выставки Канариса, Вальтеру Шелленбергу подумалось, что Гитлер и сам не сможет сказать, шутил он или нет о возможности скорой войны со Сталиным. Вальтер подошел к круглому вращающемуся столику с множеством телефонов и микрофонов на нем, легким касанием пальца придал вращению столешнице, набранной из разных пород дерева. Адмирал Канарис сегодня отличился перед фюрером. И, надо быть справедливым, похвалу Гитлера он получил заслуженно. Из обыкновенного отчета о том, чем и должно заниматься его ведомство, он сумел устроить представление и поразить вождя. Создалось впечатление, что только адмирал Канарис использует финскую кампанию Сталина на пользу рейха, остальные же нисколько не пытаются извлечь выгоды из благоприятствующих обстоятельств.

Вальтер честно себе признался – его честолюбие задето. Конечно, в его ведении сейчас находится контрразведка и в сферу ее интересов финская кампания Сталина вроде бы входить не должна. Но... Он по природе своей разведчик, и чужие успехи на поприще разведдеятельности не могут не вызывать в нем ревнивой зависти. Тем более когда успехи эти происходят всего лишь из умелой подачи заурядных разведданных.

Шелленберг подошел к окну, забранному бронированным стеклом. Вид оконного стекла портили бросающиеся в глаза инородные вкрапления, маленькие проволочные квадратики. Это были отростки электросистемы, которую, покидая кабинет, Шелленберг вклю-

⁵ Подбитый танк, с которого сняли крышку финны был танк СМК («Сергей Миронович Киров»), собранный на Кировском заводе в Ленинграде. Завод, поставивший броню на сборку, не прислал вовремя крышку одного из люков. Не отправить машину на фронт в назначенный день было невозможно, и крышку изготовили на Кировском из того, что оказалось в тот момент под рукой. Из брони плохого качества. Заменить крышку на нормальную собирались прямо на передовой. Но не сумели – крышку из сырой брони уперли финские разведчики.

чал на ночь. И она наряду с селеновыми фотоэлементами не позволяла никому войти в помещение, не подняв по тревоге всю охрану здания.

Необходимо утереть нос Канарису. Показать, что финскую кампанию Сталина можно использовать для себя, то есть на благо рейха, с еще большей выгодой. Сочинить что-то головокружительное. Канарис крышки ворует, а мы... Что мы можем сделать?

Так. Надо отрешиться от штампов и шаблонов, перебраться на ту сторону скучной расчетливости, идти от невозможного, оттолкнуться от того, что на первый взгляд выглядит сумасшедшим... Думай, Вальтер, думай...

Шелленберг почувствовал, как на горизонте показался гребешок волны вдохновения. И в его воображении из ничего, из пустяков и смутных обрывочных мыслей стали выкристаллизовываться первые мозаичные камни, из которых предстояло сложить полотно. Полотно, которое придется буднично окрестить планом операции. Он уже знал, что придумает такую операцию, перед которой все адмиральские выставки покажутся грязью на ботинках. Обязательно придумает. И он, Шелленберг, утрет нос Канарису...

Глава вторая Старые друзья

*Сосняком по отрогам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер.*

«Суоми-красавица»⁶

Капитан госбезопасности Шепелев на жилищные условия не жаловался. Грешно было жаловаться, — он владел двумя комнатами и делил квартиру с одним жильцом. Вернее, с жилищей — старухой Марковной. Марковна относилась к соседу с паточной любезностью, на глаза лишний раз не попадалась и коммунальным брюзжанием не изводила. Все оттого, что знала старая, где и кем работает ответственный квартиросъемщик Шепелев. В зимнюю пору Марковна днями пропадала у внуков, потом засиживалась до вечера в гостях у какой-нибудь из беззубых подруг.

И сейчас домой она пока не вернулась. На коврике у входной двери не наблюдалось ее валенок с галошами, а на крюке — собачьей шубейки. Шепелев включил свет в коридоре. Подошел к своей двери, единственному выходу в коридор из двух его смежных комнат. Подошел, расстегнув две пуговицы зимнего драпового пальто. Третью пуговицы его пальцы не дотащили из петли. «Разве недостаточно на сегодня сюрпризов? Разве я заказывал еще?» — подумал капитан. Подумал он так, заметив сдвинутый резиновый коврик, чей правый угол не лежал там, где лежал утром, то есть не на треснутой паркетине на толщину пальца от вбитой в рейку головки гвоздя. Марковна капитальную уборку не производила, эту хозяйственную арию она исполняет по пятницам, стараясь за себя и за Шепелева (за плату малую, которую сосед заставлял ее принимать, всучивая насильно). Может быть, нечаянно сдвинула, вдруг именно сегодня случайно наступив на коврик? Пусть так. Но взгляд капитана уже давно избежал от коврика по зазору между дверью и косяком и замер на расстоянии ладони от замочной скважины.

В утреннем ритуале среди механических действий, превратившихся за годы в условные рефлексy, было и такое: оставить нитку в зазоре, там, где косяк прилегал вплотную. Оставить так, чтобы торчал едва заметный кончик. Примитивно, но покуда не возникало серьезных угроз целостности жилища и, значит, не было необходимости сочинять что-то похитрее. И вообще штурковать с нитью капитан давно бы бросил, не сделайся она уже привычкой сродни чистке зубов, без которой утро уже казалось бы недоделанным. Ну вот, перестраховочный вариант, наконец, и оправдал себя — серый, растрепанный кончик нити сейчас на привычном месте отсутствовал. Выходит, дверь открывали. Капитан расстегнул третью и все остальные пуговицы, повесил пальто на вешалку, на соседнем крюке пристроил шарф и шапку.

Его проверили и ушли? Или дожидаются внутри? Вопросом «чьи это фокусы?» капитан до времени не задавался — досрочных ответов наберется тьма. Подцепив пальцем дверную ручку, Шепелев осторожно потянул на себя. Не поддается, заперто. Табельный ТТ, имея

⁶ Песня, написанная в самом начале советско-финской войны. После окончания войны никогда и нигде не исполнялась, в песенные сборники не входила.

на это право, капитан без нужды с собой не таскал. А вот, получается, зря не таскал. Что теперь остается делать, как не вести себя до предела глупо?

Шепелев постучался в собственную дверь.

– Хозяин пришел! Отзовитесь, граждане! Иначе буду держать дверь под прицелом, пока не приедет взвод.

«Никто не отзовется, – спросил себя хозяин комнаты, – и что тогда?» Действительно вызывать подмогу и попасть в еще более дурацкое положение, если внутри никого не окажется? Лучше, конечно, в дурацкое попасть, но живым. Правда, технически выполнить угрозу не так-то просто. Аппарат стоит в комнате Шепелева, отвода в коридор, естественно, нет. Естественно, потому что не хватало, чтобы кто-то мог иметь возможность подслушивать разговоры капитана госбезопасности. Значит, придется выходить на площадку, звонить в соседнюю квартиру...

За дверь скрипнуло кресло. Его, Шепелева, любимое кресло-качалка, приобретенное год назад в мебельном магазине, в отделе старой мебели. Ему ли не знать голоса предметов собственной комнаты. Скрипнуло, вслед за этим послышалось, как оно, кем-то покинутое, покачивается вхолостую. Донеслись шаги, приглушаемые ковром, но все же отчетливые – некто не слишком заботился, чтобы ступать неслышно. Шаги из угла продвинулись на середину комнаты.

Что прикажете делать, капитан? Вставлять ключи, отпирать и распахивать дверь с криком «Ложись, гад, стреляю!». Или, распахнув, бросить внутрь пальто – если некто держит палец на спусковом крючке, то рефлекторно должен выстрелить – а самому метнуться на пол, перекатиться, подсечь ноги затихарившегося товарища, а дальше у кого реакция лучше, кто ловчее и сильнее?

– Эй там, в засаде! – теперь Шепелев говорил по крайней мере не сам с собой и не с призраком, а с кем-то во плоти. – Последний раз спрашиваю, что делать будем?

– Веники вязать будем, капитан, – раздалось из комнаты. – Унюхал, легавый!

Шепелев чертыхнулся и полез в карман за ключами. Тот, за дверью, еще пока не видимый, но узнанный, продолжал говорить:

– Замки у тебя – такие только на сиротские спальни ставить. Соплей открыть можно.

Капитан зашел в комнату, вновь запер охаянные замки и включил свет.

– Здорово, Жох. Закончились зажиточные хаты, по друзьям-приятелям пошел?

Леонид по прозвищу Жох ослабилась, показывая сколько железных и золотых зубов у него во рту. И тех, и других хватало. Он стоял, руки в карманах, посередине комнаты, высокий, жилистый и пьяный. А на столике возле покинутого им кресла, утром еще пустого столике, блестела бутылка водки, на треть пустая, и кучилась на газете закуска: нарезанная краковская колбаса, хлебная буханка и конфеты «Коровка». Придавливали газету и два стакана: с каплями на стенке и сухой.

Шепелев приблизился к человеку, который никак не мог быть другом капитана госбезопасности. Осведомителем – да, запросто. Но осведомителем-то вор как раз и не был. Один раз, правда, помог вор капитану, когда тому потребовалось срочно, очень срочно, за одну ночь отыскать где-то спрятавшегося в городе шпиона. А так они, как и положено друзьям детства, просто изредка встречались распить бутылку вдали от посторонних глаз, на одной из ленинградских крыш с голубятней.

– Докорешился с легавым, додружбанился. – Пожатие Жоха, короткое, жесткое, выдавало обманчивость его худобы. Силы в его сухожилиях и сухих мышцах не меньше, чем в кольцевых мышцах удава.

– Что стряслось?

А стряслось – капитан видел по посеревавшему лицу вора и по тусклым глазам. И по трети бутылки, выпитой в одиночку.

– Пойдем, капитан, вольем по сотке.

Леонид не выпил, а именно влил в себя водку, зажевал колбасным кругляшом и притянул к себе по столу пачку «Севера».

– Хреново, капитан. Мне, – Жох ткнул себя в грудь двумя пальцами с зажженной папиросой. – Хреново. Пропадаю. Пропал.

– Не тяни кота за бейцы, говори, – Шепелеву не доставляло радости видеть вора вот таким. Придавленным, притопленным, так можно сказать.

– На послезавтра объявлен сходняк. В Луге. Сегодня в ухо нашептали верное, – Жох глубоко затянулся, задрал голову и пустил дым вверх, – меня там на правило поставят. Догадываешься, за какие дела?

Леонид спросил и откинулся в качалке, заставив ее конструкцию дерево заскрипеть, а полозья задвигаться. Он молчал, жадно и часто затягиваясь.

– Да ты уже сказал, чего догадываться, – ответил капитан. – Пронюхали о нашем знакомстве.

– Верно. А за это у нас ставят на ножи, – Жох показал «вилы в горло». – Правильно ставят. Так и надо. Без претензий. Но не хочу, капитан. Не для того я полз по тундре на брюхе, выбирался из болот, чтоб меня в Луге зарезали, как барана.

Огнеметные танки на Литейном мосту, лениградцы провожают бойцов РККА на войну с белофиннами

Леня-Жох качнулся в кресле вперед, нагнувшись, перевалил длинное тело через подлокотник, загасил окуроч в пепельнице и обнял ладонью бутылку.

– Давай, капитан, добьем пузырь, двигай стакан. Ты не волнуйся, у меня тут есть запасец, – Леня качнул рукой с бутылкой, показывая, что «запасец» стоит на полу за столиком. Но Шепелев, кажется, вдруг перестал слышать и замечать гостя, погрузившись в свои мысли.

– Эй, капитан, проснись! Стакан пасуй!

– Погоди со стаканом, – «проснулся» капитан. Но вроде бы не до конца «проснулся», вроде бы что-то еще обдумывал. – Что собираешься делать?

– В Ташкент подамся.

– К Батыру?

– Ну, – Жох дотянулся, до капитанского стакана, подвинул и опрокинул в него бутылочное горло.

– Достанут ведь.

– Достанут, – не стал спорить Леонид, ставя пустую бутылку на пол, – но не сразу. Может, до того успею перебежать в новую нору.

– В какую?

На это Жох пожал плечами.

– Скоро по всем закоулкам пройдет воровская ориентировка. И если ты окажешься там, где будут люди, тебя опознают.

Выслушав, Леонид ухмыльнулся и потянулся за своим стаканом. Капитан встал, ухватил столик за края и переставил его.

– Погоди с водярой, успеешь. А то вдруг ты потребуешься трезвым.

На то место, что прежде занимал столик, Шепелев переставил свой стул и сел на него.

– Послушай, Леонид. Мелькнула одна идея...

– В легавые перекраситься? – Жох, сильно качнувшись вперед, выбросил себя из кресла и, обогнув капитана, двинулся к столику со стаканами. – Не, я лучше вором подохну.

Леня добрался до водки, выпил ее, отломил от буханки кусок, забросил в рот.

– Завтра я еду на фронт, на передовую, – сказал Шепелев. – Можно оформить тебя ополченцем и взять под мое командование...

Жох расхохотался. Сотрясаясь, он бил себя ладонями по коленям. Пока вор переживал то ли приступ веселья, то ли истерии, капитан вытащил из кармана пачку дешевых папирос «Пушка», к которым привык, достал бензиновую зажигалку.

– Это ты называешь идеей? – Жох успокоился, смог говорить. – Не, лучше б ты мне предложил в легавые. Но чтоб я записался в пушечное мясо!

Высказавшись, вор направился к непечатой бутылке, оставленной им у стены.

– А ты можешь меня прежде дослушать? – капитан закурил, выпустил первую дымовую струю. Гость как раз наклонился на фоне светло-коричневых обоев с орнаментом из виноградной лозы и советской символики, взял от плинтуса завернутую в газету водку.

– Если тебя не убьют на войне, ты окажешься вместе со всеми на территории Финляндии. И сможешь там остаться. Насколько мне известно, в планы входит освободить Финляндию целиком. Усекаешь, Жох?

Жох разворачивал газету, освобождая от нее водочную емкость. Это занятие и прервал, уставившись на капитана.

– Какие у чухонцев города?

Шепелев не стал сдерживать улыбку – вор ухватил его идею за показанный хвост.

– Городов хватает. Столица – Хельсинки. Она далеко, можем не дойти. А вот до Выборга, что финны называют Виипури, должны.

– Выборг? Знаю. И не так чтоб далеко, как тот Ташкент, но и не шибко доберешься. Хорошее место. Думаю, подойдет.

Вор присел на подлокотник качалки, уткнул бутылочное дно в колено. Сорванная с «Пшеничной» газета была положена на столик, но ее ком скатился на пол. Глаза Лени-Жоха сузились, но в оставленных щелках можно было разглядеть разгоравшийся огонь. Рука нетерпеливо постукивала бутылкой по колену.

– А ведь верно, капитан! Ни одна падла туда не сунется. Мой город будет. Местное ворье приберу враз, если оно у них имеется и останется. (Жох надавил языком на нижнюю губу – это у него означало азарт и не предвещало финскому ворью хорошей жизни.) Наши понаедут – или под меня пойдут, или заворачивай оглобли. Можешь не сомневаться, капитан, – когда устанутся, наши выждут чуть и обязательно полезут. И вот тут им обрез выйдет, место занято. А старые предъявы в чужой стране не покатят. Я кровью ее заполучил. Придется им, падлам, договариваться, выдавать мне от советского сходняка прощение.

Было заметно – вора захватила идея стать «законником», воровским «держателем» в одном из финских городов, до которых, правда, еще только предстояло дойти. Жох содрал пробку.

– За победу?

– Потом. Тебе сейчас желательно не надираться. – Капитан встал, подошел к окну, раздвинул занавески. Вечереющий город, который завтра придется оставить надолго или

навсегда, был засыпан снегом и обласкан холодом. Зима в этом году выдалась свирепая. Снегу навалило сразу много, и пусть впоследствии ветры не нагоняли сильных снегопадов, но выпавший снег не таял и поводов надеяться на оттепель погода не давала. С середины декабря вдарили морозы и не то что после не ослабевали, а только усиливались и усиливались. Сейчас в начале января столбик термометра болтался около минус сорока, колеблясь на два-три градуса, в основном, впадая в еще больший минус.

– Раз ты согласен, Леонид, то двигай – и прямо сейчас – на улицу Воинова. Там располагается войсковая часть НКВД и при ней устроен сборный пункт, где формируются роты добровольцев. Я туда позвоню, попрошу, чтобы не тянули, чтоб к завтрашнему утру из тебя сделали ополченца на полном довольствии. Ночевать останешься там, в шесть утра я за тобой заеду. Да, кстати. Все забываю спросить. А паспорт у тебя есть?

– А как же, капитан! – Жох полез во внутренний карман. – Кличат меня, если не путаю, Запрудовский Иннокентий Викторыч... Ща проверим...

Глава третья

Мост

*«Господину Иосифу Сталину,
Москва.*

Ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые искренние поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания, желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза.

Адольф Гитлер».

Опубликовано в газете «Правда» 23 декабря 1939 года

1

Дача в Волынском, как и вся страна, жила ритмами Сталинского пульса. Хозяин остался один, он думает и его пульс бьется размеренно, покойно, – дача не нарушит его бие-ние ни единым посторонним звуком. Будто и нет в доме роты охраны и роты obsługi.

Сталин подошел к высокому окну. За стеклом мертвели сугробы, за стеклом мерзли заснеженные ели. Сталин невольно поежился, подумав о том, какая нечеловеческая стужа царапает ледяными когтями об окна и стены его дома. Вах! Какой грузин зимним холодным вечером, чтобы согреть себя так, как не согреет и чача, не вернется в мыслях в солнечный летний полдень где-нибудь на окраине Кутаиси. Не сядет в мыслях за стол, сколоченный из грубых досок, под навес, увитый виноградной лозой, не наклонит глиняный кувшин с цинандали над деревянным стаканом. Рядом наливается соком алыча, шелестит листьями платан, вдали режут небо кавказские горы. Больно, что не в твоей власти объявить вечное лето. Хотя в твоей власти перенести столицу в Кутаиси. Сталин отнял трубку от губ, выпустил дым, разбившийся о стекло. А сколько, сколько еще не в твоей власти!

Сталин только что выгнал все это шапито. Молотова, Хрущева, Микояна, Ворошилова. Они ему сегодня быстро наскучили. Они подумали, что товарищ Сталин хочет остаться один. Они глупы. Им не понять, что товарищ Сталин всегда один. Как Христос, он тоже был один. Его двенадцать учеников такие же клоуны, как те, что пили и ели сегодня за его столом. Христос тоже никогда не делился с ними своими мыслями. Он учил их, как надо жить, рассказывал всякие поучительные басни, но ни с одним он не говорил, как говорит человек с человеком. Так ничего и не сообщил о себе, как он жил, что делал тридцать три года, чего хочет добиться для себя. Не о собственной же казни он мечтал, в самом деле.

Да, один. И даже не поговорить вслух с самим собой. Потому что товарищ Сталин не может доверять свои мысли воздуху. Даже воздуху.

Сталин подвинул к себе по подоконнику пепельницу и выбил в нее трубку. Еще раз взглянул в окно. Какой же там холод! И вдруг Сталин громко расхохотался от пришедшей на ум забавной мысли. Надо послать этого засранца Ворошилова на финский фронт. Можно вообразить, какое лицо у него будет, когда он услышит, куда предстоит отправиться. Он наде-лает в штаны от испуга. Герой хренов! Этот герой до сих пор уверен, что товарищ Сталин затеял эту войну, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда. А кто из них думает по-дру-гому? Их ум ограничен. Они все смотрят только себе под ноги. Им представляется достаточ-ным такое объяснение, что товарищ Сталин вздумал обезопасить северо-западные рубежи. А кого мог бояться с той стороны товарищ Сталин? Не финнов же в самом деле? Или они думают, что немцы вплотную подберутся через Финляндию к Союзу с этой стороны? Пусть

думают. А товарищу Сталину все равно в тридцати двух километрах граница или в трехстах тридцати. Это ничего не решает. Это не будет играть никакой роли. Или они думают, товарищу Сталину хочется, чтобы Финляндия сегодня стала советской? А товарищу Сталину все равно, будет какая-то Финляндия-Шминляндия сейчас советской или нет. Придет время и эти финляндии на коленях приползут к товарищу Сталину.

Сталин, оставив трубку на подоконнике, вернулся к столу. На скатерти краснели капли пролитого вина, блестели точки жира, желтела в блюдах никем кроме Сталина не тронутая мамалыга, валялись комки салфеток, которые всегда оставляет после себя в больших количествах Молотов, гляделось в бутылку рыло жареного поросенка.

Сталинская дача в Волынском

А его полководцы решили, когда он на заседании Генерального штаба приказал поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту, а Генштабу этим не заниматься, заниматься другими делами, что товарищ Сталин не считает финскую армию серьезным противником. А финские укрепления не считает серьезным препятствием для нашей армии. Потому и не требует сосредоточения такого количества людей и техники у финской границы, от одного вида которой чухонцы бы подняли руки вверх. Его полководцы трусливо молчат, но теперь, спустя месяц после начала войны, думают себе, что товарищ Сталин способен ошибаться.

Сталин отломил виноградину, бросил в рот. Взял бокал с недопитым мукузани, сделал небольшой глоток.

Они думают, что знают товарища Сталина. Самые прозорливые из них понимают товарища Сталина, как шахматного игрока, который размышляет над доской с фигурами, просчитывая партию на много ходов вперед. А товарищ Сталин играет одновременно сразу на тысяче досок, и нигде нельзя забыть сделать свой ход. И везде требуется просчитать партию до самого конца. До есть до мата королю противника, который играет черными фигурами.

Когда-нибудь им откроется, для чего товарищ Сталин начал войну с Финляндией и почему он вел ее так, а не иначе. Они поймут тогда свое ничтожество, узость своих мыслей.

Сталин толкнул бокал, он опрокинулся на скатерть, но не разбился, остатки вина расплылись по скатерти. Он любил гадать таким образом. Сегодня своими очертаниями пятно напомнило Сталину Францию. Многозначительно. Сталин любил рассматривать карту и помнил очертания многих стран этого мира...

2

По финскому снегу ползла колонна. Одна из многих, проползших до нее и где-то сейчас одновременно с ней ползущих.

Впереди, броневым лбом этого петляющего по дорогам Карельского перешейка червя, состоящего из техники, людей и боеприпасов, шли два легких танка БТ-5. За ними держался бронеевтомобиль БА-20, в котором ехал полковник Есипов. Он командовал колонной. За «бэтэшками» следовали грузовые автомашины числом пятнадцать, потом шли пять автоцистерн с бензином и дизельным топливом, еще четыре грузовика, а замыкали колонну три трактора. Первый трактор тащил сцеп из двух бронесаней-волокуш, второй и третий – полевые 152-миллиметровые гаубицы.

Глаз человека, будь это не глаз человека, едущего на войну, смотрел бы по сторонам с удовольствием. Красивый, хоть и морозный, зимний день. Редкие, случайные обрывки облаков бездвижно повисли на голубом небесном потолке. Внизу – снежное засилье, затейливо расписанное звериными следами. Сосновый лес в белом масхалате с гренадерскими корабельными соснами впереди. Угадывающиеся в снежных, бугристых курганах нагромождения валунов. Все вокруг переполняла величественная отчужденность природы от мирской суеты.

Капитан Шепелев ехал в кабине третьего по счету грузовика вместе с батальонным комиссаром. И вместе с шофером, разумеется. В кузове под брезентовым пологом, наглухо застегнутом со стороны заднего борта, на лавках и на ящиках тряслись и зябли те, кто составлял особый отряд капитана Шепелева. Конечно, они вчетвером не занимали весь кузов. С ними притоптывали ногами и охлопывали себя руками, для согреву толкали друг дружку, курили и травили всякие истории младшие пехотные командиры.

– Через два часа прибудем в расположение, – с радостным ожиданием в голосе сказал сосед Шепелева по кабине. Комиссар был совсем молодым парнем. Как он успел сообщить, еще год назад ходил в кремлевских курсантах. Он не успел пока что обзавестись ни наградами, ни женой, ни детьми, ни житейской мудростью, ни страхом. Казалось, его расстраивает в походе только одно – мороз за стеной кабины.

– До темна успеем. По карте – помните, товарищ капитан? – скоро будет река, черт, название забыл. От той высоты, что мы проехали, как раз три километра выходит, – и внезапно переключился, как ни раз уже было во время их совместной поездки. – Как вы думаете, финские рабочие поддержат нас восстанием в городах?

– Я думаю, – ответил капитан, – что у них вообще слишком мало рабочих. Крестьяне, в основном. Такая уж страна.

– Да, вы правы, крестьянство более отсталый элемент, – огорченно согласился молодой комиссар. – Так учат товарищи Ленин и Сталин. В крестьянах слишком сильны собственные инстинкты...

Жох попал в бронесани. Попал не сладко. Борта волокуш были наращены пуленепробиваемыми бронелистами, которые тепла не выделяли. Более того, к ним невозможно было прислониться – холод прожигал сквозь ватники и полушубки. Потому лежали вповалку, а значит вовсе без движения и, понятное дело, мерзли. Поверх саней натянули перед выездом брезент, но он большой пользы не приносил. Ехали, считай, под открытым воздухом, под всеми сорока градусами.

– Нельзя ж так людей перевозить, – в полутьме саней снова разворчался кто-то из ополченцев, а именно они были определены в одни и другие бронесани.

– Сказано тебе, в машинах местов нет, – отозвался старшина, поставленный командовать взводом ополченцев и разделявший с ними неудобства дороги. – Сказано, что опосля поменяемся с армейцами.

– Какие на хер белофинны, раньше эти санки погубят наш геройский взвод и медалек не получим, – это сказал Жох.

– Опять ты мутишь! – повысил голос старшина. – Ой, чую, намаяюсь я с тобой, парень. Это армия, а не гражданка. Я тебя предупредил, не шути со мной. Отошлю назад или отдам под трибунал.

– Все, ребята, хоре бакланить, доставай припасы. Не у меня ж одного, – и Жох привстал в санях, вытащил из-за пазухи фляжку, аппетитно булькнул содержимым. – Иначе кранты без всяких финнов. А до передовой еще дожить надо.

– Отставить! Под расстрел пойдешь!

– Батя, – взмолился еще один боец-доброволец, – прав он. Надо греться, а то ж заболеем, какими вояками будем.

– Я тебе не батя, а товарищ старшина! Ох, угораздило меня командовать гражданкой.

– Точно, – как-то враз все очнулись, заворочались в санях и поддержали начинание Жоха. – Сдохнем! Мочи нет! Да в такой холод сколько не выпей – не закосеешь! По глотку!

А старшина почему-то замолчал и продолжал молчать. И под его молчание пошла по кругу фляжка Лени-Жоха, наполненная медицинским спиртом. Где и как он ее раздобыл, на приемном ли пункте или в его окрестностях, о том никто не спрашивал, потому что думали – прихватил из дому. А какой там дом! Ну а спросили бы, Леня подмигнул бы и ответил, что некоторые называют его Жохом. Может, не впустую некоторые языками машут, а?

– Только смотрите у меня по глотку, не больше, – вдруг напомнил о себе смирившийся с неизбежностью старшина.

– Конечно, товарищ старшина, – дружно заверил взвод своего командира. – Не хотите тоже?

– Не положено, – пробурчал он, и по голосу почувствовалось, что внутри его идет нешуточная борьба...

Одна за другой вслед за танками тормозили машины. И колонна встала.

Шепелев открыл дверцу, высунулся наружу:

– Мост, – капитан вернулся на место. – Сейчас саперы будут проверять. Что, комиссар, пойдем разомнемся?

Шепелев выпрыгнул на снег, комиссар выбрался следом. Из кузова, из-под брезентового полога выскакивали батальонные командиры и вперемешку с ними brave бойцы его, капитана Шепелева, отряда.

Сперва люди по всей длине колонны побежали к обочине. Отправление надобностей сопровождалось шутками вроде «Не отморозь, жена домой не пустит», «Напиши на снегу желтеньким «Смерть врагу!»... Издали доносились орудейные выстрелы, но были они глухи, неотчетливы, казалось, что до передовой еще сотни километров. Даже те, кто знал, что морозный воздух сильно искажает звук выстрела, предпочитали не думать, что через какой-то час-два их уже могут бросить в бой сразу с колес.

– От своих машин не отходить! – несколько запоздало послышались команды. Управившись с надобностями и шутками, люди топтались возле своих машин, подходили к знакомым, едущим в другом грузовике, некоторые уже убежали в начало или конец колонны.

Капитан Шепелев, разумеется, подошел к своим.

– Живы, соколы?

– Ну, капитан, ты нас и завез! – возвращаясь от обочины, на бегу прокричал Хромов, на бегу же застегивая ширинку.

– Ничего, ничего, проветриться полезно. А каково южному человека, а, Омари?

Лейтенант госбезопасности Омари Гвазава зажимал перчатками уши и прихлопывал нога об ногу. Его смоляные усы покрылись ледяным наростом. Он заговорил с сильным грузинским акцентом:

– Какой я южный человек! Совсем тут с вами северным стал. Я два года море не видел!

– Финский залив – это тоже море, – заметил сержант госбезопасности Лева Коган.

– Э, какое это море! – Омари даже оторвал ладони от ушей, чтобы возмущенно взмахнуть руками. – Вот дадут отпуск за героические подвиги, поехали, покажу тебе море.

– Ты ушанку распусти, опусти «уши», – посоветовал практичный Тимофей Рогов. – Нам, товарищ капитан, в кузове все завидуют из-за этих ушанок. Но, говорят, интенданты пообещали завалить фронт ушанками.

Капитан Хромов приблизился к Шепелеву, показал рукой с дымящейся в ней папиросой на засыпанный снег сосновый бор.

– Погано так стоять на виду у всего леса. Не отделаться, что на тебя оттуда пялятся сквозь прицел. И могут жахнуть в любой секунд.

– Привыкайте, – сказал Шепелев. – Теперь долго вокруг всегда будет лес...

Один из бойцов-добровольцев, выбравшихся вместе с Жохом из саней, пустился бегать кругами вокруг волокуш, чередуя бег с приседаниями и отжиманиями. Пробегая в какой-то раз мимо Леонида, стукнул того по спине, как стучал всех подряд:

– Не стой, присоединяйся!

– Да пошел ты! Спортсмен, тоже мне, – огрызнулся Жох, поднимая воротник шинели. Леонид чувствовал себя не просто скверно. Омерзительно, тошнотно до кровавой рвоты. Еще хуже было, чем вчера, когда он узнал, что его собираются замочить в Луге на сходянке. На что он подписался! Согласился по пьянке и влип, как муха в говно. Подчиняться! Ему и подчиняться! Подчиняться всем подряд, начиная с этого ходячего устава в звании старшины. Хотя капитан сказал, что возьмет в свой отряд, когда придут в расположение, но ладно, он-то с понятием, а остальные...

– Сидевший? – раздалось над ухом.

– Что?! – Жох повернулся так быстро, будто за спиной щелкнула выкидуха. И наткнулся на взгляд старшины. Они принялись жечь друг друга глазами.

А ему лет пятьдесят, вдруг подумал Леонид, какая ж это у него война по счету? И все неймется? Или ему так нравится ползать под пулями?

– Я, парень, всяких повидал на своем веку, – старшина словно прочитал мысли вора. – Ничему уже не удивляюсь. Я тебе вот что скажу... Отойдем-ка!

Заметив, что к их разговору начинают прислушиваться топчущиеся возле волокуш добровольцы из взвода, старшина отвел Леонида ближе к обочине.

– Если уж попал, – старшина огладил рыжие усы, не отрывая глаз от зрачков Жохы, – то гордыню-то смири. Вот у вас свои законы. Скажем я, тьфу-тьфу, попал к вам и начинаю...

– Понты кидать, – подсказал Жох.

– Вот, – кивнул старшина. – И что получится?

Но он так и не узнал, что получится. Он увидел саперов, которые от моста возвращались обратно в колонну.

– Ладно, отложим беседы, парень. Сейчас поедем. Пошли к саням...

...Первый танк вполз на мост, до того проверенный на заминированность. Вполз осторожно, словно прощупывая гусеницами крепость перекрытия и опор. Но танки не представляли угрозы крепости переправы над рекой. Финны работают доброту, на совесть, мост, как свои хутора, делают в расчете на века, на несколько поколений.

Первый «БТ» всей массой, всеми двенадцатью тоннами уже давил на дощатый, покрытый снегом настил. Уже подбирался к середине реки, занимая почти всю проезжую ширину моста, до перил из строганных брусьев с одной и другой стороны оставалось по полсажени. Взревели моторы второго танка, и он по следу первого вкатился на мост. А за ним, не желая отставать, двинулся броневомобиль.

Окуталась облаками выхлопов, вздрогнула, зарычала и затарахтела вереница машин, люди под хриплые команды запрыгивали в кабины и кузова. Гусеница снова поползла. Заглохла, отказывалась заводиться предпоследняя машина. Шофер, скинув с себя сверху все

кроме исподней рубахи, вращал стартер иступлено, безостановочно. Рядом что-то кричал, выбрасывая изо рта клубы пара, старший лейтенант, рука его лежала на кобуре. Солдаты, перекуривающие у передних колес и наблюдающие, предлагали шоферу подменить его, но тот, не обращая ни на кого внимания, крутил и крутил ручку стартера.

Первый «БТ» с надписью на башне «Щорс» добрался до того берега. Его гусеницы, усиленные перед отправкой самодельными болтовыми шипами, вгрызлись в снег, лежащий уже не на мостовых досках, а на земле. Второй танк резво догонял первый, и сейчас подъезжал к середине моста.

Капитан и комиссар, размявшие ноги на снегу и на морозе, не без удовольствия вернулись в кабину, где можно было отогреться.

– Такую стужу в бане хорошо пережить, – комиссар яростно высморкался, тщательно вытерся и спрятал платок за обшлаг шинели. – А потом перебежать до избы, да к столу с пузырем, щами и румяной бабой. Да, капитан?

Их шофер оторвал взгляд от грязно-снежной колеи, от маячащего впереди заднего борта автомашины и с одобрением посмотрел на комиссара – было видно, что ему хочется внести от себя в нарисованную мужицкую идиллию какой-то личностный мазок. Может быть, добавить к бане, бабе и водке купание в проруби и гармонию.

– Да, – сказал капитан Шепелев, растирая прихваченные морозом щеки, – в бане лучше, чем в сугробе. Товарищ комиссар, можно еще раз взглянуть на карту?

– Конечно, пожалуйста, – комиссар передвинул планшет с бедра на колени, щелкнул застежкой. Но открыть не успел...

Те, кто сидел спиной, те, кто был под брезентовым пологом или за бортом бронированных саней, те, кто смотрел не прямо, а вбок, на заснеженный сосновый ряд, на сугробы, перечерченные звериными следами, – все они вдруг услышали, как строй звуков, к которым привыкли за этот день, погас, был подавлен громовым раскатом, вызвавшим в мыслях образ шара. Шара, вздувшегося где-то впереди и разросшегося вмиг во все пределы, поглощая в себя всю звуковую мелочь. Оборвались, будто разрубленные ножом, смех, разговоры, движения. Головы поворачивались туда, откуда накатила звуковая волна. Те, кто не мог ничего увидеть, закрытые глухим брезентовым пологом, все равно повскакивали с сидений. Шоферы ударили по тормозам, заставляя людей в кузовах валиться друг на друга, падать на пол.

Из-под моста в разные стороны брызнули бревна и камни. Мост и технику на нем подбросило и потащило вниз. К реке. И повело вбок. Уши заложило грохотом.

Заряд был заложен в «быки» еще при возведении моста. Заряд скрывали толстые сосновые бревна, «растущие» из каменных устоев, увязанные в «клетки» металлическими обручами и проволокой. Сердечником этих «клеток» служил динамит. Обнаружить его было невозможно, возможно было только знать, что он там есть. И тому, кто знал, требовалось лишь подсоединиться и крутануть ручку электрогенератора. После чего оставалась сушая малость: дожидаться, пока пропущенный проводами ток «оживит» детонаторы и уставший от бездействия динамит совершит то, в чем и состояло его предназначение – взорваться.

Мост подпирали две пары «быков». Их широкие наверхия принимали на себя пролетные строения в местах, где стыковались секции. Динамит смел верхний слой фундаментов, разбрасывая их камни и цементное крошево по снежной перине, покрывающей лед. Динамит разорвал «клетки», разодрал в клочья проволоку и обручи. Разрубленные взрывом бревна «быков» разлетались городошными битами, крутясь. Некоторые сосновые стволы выбило целиком, они летели едва ли не величественно. Какие-то из них падали в снег плашмя, какие-то втыкались торцами и потом степенно заваливались на бок.

Лишенный опор центральный пролет моста – под добавочным гнетом тяжелой техники – провалился. Эта, самая длинная секция, падая, накренилась, и находившийся на ней танк

еще в полете пробил деревянные перила и первым обрушился на речной лед. Взметнулись стены из черной воды и белого льда со снегом.

Черный пролом в реке походил на гнилое дупло на белой эмали зуба. В нем шевелились танковые гусеницы, медленно уходящие под воду. На другом краю черного дупла над поверхностью еще находилась пулеметная башня броневедомобиля. Прыщ люка на ней задергался, крышка отвалилась в сторону, и из отверстия стал выталкивать себя человек с залитым кровью лицом. Он уже по пояс выбрался наружу, когда броневедомобиль стремительно потащило, будто чем-то зацепили его снизу и дернули. Над водой взметнулась рука, потом на ее месте забурили пузыри, одни только пузыри...

Танк с надписью на башне «Щорс» впивался траками в берег, вытаскивал себя на ровную твердую почву. Его задняя часть находилась на остатке моста, который упирался в береговой откос двумя балками. Впрочем, из двух балок одна уже не держала. Взрывной волной ее разломало, как сгнивший посередине карандаш. Каждый поворот гусениц сворачивал последнюю балку на сторону. Ее кованые десятидюймовые гвозди, скрипя, выходили из углублений.

Наконец останки моста на этом берегу съехали в сторону и уже ничего не держали и не подпирали, повиснув на кончиках гвоздей. Но БТ с надписью «Щорс» успел. Выкарабкался, цепляясь, как «кошками», самодельными болтами, наваренными на гусеничные траки перед отправкой, и утвердился на той стороне реки. Отъехав по дороге на расстояние в два своих корпуса, танк начал разворачиваться. Он разворачивался, а на той стороне реки лес ожил стрельбой...

Капитан среагировал мгновенно: надавил на ручку и ударил в дверцу ногой, распахивая ее, и вывалился наружу с криком:

– Прыгайте! За колеса!

Это случилось после того, как одна из первых пуль, хлынувших на колонну, пробила боковое стекло, просвистела через кабину, никого не задев, и застряла в деревянной обшивке кабины над противоположным окошком.

Хрустнул снег под сапогами капитана. Шепелев, не теряя ни мгновения, упал на дорогу и перекатился под машину. С другой стороны прыгнул шофер и тоже заполз под брюхо грузовика.

– Комиссара убило, – прокричал водила, укрывшись за колесом, загреб в ладонь грязного дорожного снега и растер его по лицу.

Комиссар получил пулю в грудь, когда, отцепив планшет, зацепившийся за головку винта в сиденье, перебросил ноги к выходу. Комиссар остался в кабине, скатившись на грязный от снега с сапог коврик на полу кабины.

– Звездец нам! Всем звездец! Перебьют, как крыс! – истошно заорал шофер.

– Закрой харкало! Пристрелю! – рявкнул капитан. Потом достал ТТ из кобуры и сунул за пазуху, чтобы не дать пистолетному металлу превратиться в лед.

Шофер, как просили, закрыл харкало – или подействовал вид оружия, или он все-таки вспомнил, что перед ним капитан госбезопасности.

«Но этот крикун прав, – подумал Шепелев, – нас прихватили крепко. С обеих сторон. И перебить нас ничего не стоит. Мы как на ладони, деться некуда. Кратчайшее расстояние до леса у въезда на мост – где-то около сорока шагов, но поди сделай эти шаги по сугробам метровой глубины под огнем снайперов. Умнее застрелиться».

По колонне лупили, насчитал капитан, по два пулемета с одной и другой стороны леса. Очереди шли в основном верхом. По кабинам, по кузовам, по колесам, по прыгающим вниз людям. Хлопали и одиночные выстрелы.

А ведь белофиннов-то всего ничего, от силы полусотня, прикинул капитан. А несколько сотен человек прячутся от них и могут только огрызаться, надеясь на шальное попадание. Но что он, скажем, сделает сейчас своим ТТ!

В колесо, за которым укрылся капитан, вошла первая пуля. Зашипел вырвавшийся из камеры воздух. И под это шипение вдруг ударили минометы. Опять с двух сторон. Первая мины легли далеко от машин. Но стрельбу явно корректировали. И мины стали ложиться ближе и ближе к колонне.

А вот это уже действительно звездец. Теперь у нас с шофером полное совпадение в терминологии. Капитан стянул ушанку и вытер ее подкладкой лицо. Пять автоцистерн с горючим... А танки, единственно на что можно было уповать, рухнули вместе с мостом.

Первое минное попадание пришлось в грузовик, находившийся перед машиной, в которой ехал капитан Шепелев. Мина угодила в кузов, из-за борта которого, проделав в брезенте штыками и ножами отверстия, вели огонь красноармейцы. В кузове в зеленых плоских ящиках, на которых еще полчаса назад сидели бойцы, везли на фронт боеприпасы. Патроны и гранаты.

Всего одно лишь минное попадание разнесло в щепы борта, в клочья брезент и погубило сразу больше двадцати человек...

Глава четвертая Сгоревший снег

*Ломят танки широкие просеки,
Самолеты гудят в облаках.
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.*

«Суоми-красавица»

1

Командиром 76 танкового батальона капитан Рязанцев стал пятнадцать минут назад. После того, как застрелился комбат майор Игнатьев. Вчера застрелился батальонный комиссар. Позавчера послали себе пули в висок оказавшиеся вместе с батальоном в окружении начальники бригадного комсостава: полковой комиссар Нетонюк и начальник особого отдела Дробышев. Их тела легли к телам других погибших в общую могилу. Могилу красноармейцы рыли ночь напролет, сменяя друг друга. Промерзлую землю сначала отогревали, поливая разложенные на ней дрова бензином из канистры, потом долбали ломами и ковыряли лопатами.

Капитан Рязанцев в отличие от них не торопился выносить самому себе приговор. Пусть вынесут другие, когда и если они все-таки пробьются к своим. Да, он, как и те, кто застрелился, понимал, что его обвинят в трусости и предательстве и расстреляют. Наверное, правильно. Командир, который позволяет врагу отрезать свое подразделение от других частей бригады, позволяет врагу окружить вверенный ему батальон, не может не считаться трусом и предателем. Кто же он еще? Ты загубил то, что тебе доверила страна. А тебе доверили людей и боевую технику, над созданием которой трудились тысячи рабочих по всему Союзу. Твое неумение и нерешительность в нужный момент – это и есть трусость и предательство.

И не может послужить оправданием то, что при постановке задачи не сообщены были сведения о расположении финских войск, то, что бригаду в тылу врага неразумно было дробить и разбрасывать по большой территории. Если ты действительно командир, а не выскочка или слизняк, ты не допустишь гибели своего подразделения, как бы ни складывались обстоятельства. И капитан Рязанцев не собирается успокаивать и оправдывать себя тем, что не он командовал батальоном, когда они попали в финскую ловушку и оказались запертыми со всех сторон в этой деревушке из четырех домов. Весь комсостав батальона в ответе за судьбу своего батальона.

Так думал капитан Рязанцев, который пятнадцать минут назад стал комбатом. А десять минут назад принял нелегкое решение и приказал собрать комсостав батальона, чтобы довести его до подчиненных.

В доме, оставленном финскими кулаками (или как они у них зовутся, Рязанцев точно не знал, но дом-то добротный, кулацкий, и хозяйство при нем не бедняцкое и даже не середняцкое), было тепло. Финн-кулак приготовился к зиме, забив под завязку дровяной сарай сосновыми поленьями. Хоть что-то в их положении могло радовать: красноармейцы, вваливаясь в эту и другие три дома с сорокаградусного мороза, могли отогреться. И другая смена выходила в караулы нормально отдохнувшей, чтобы засесть в засадах и окопах, вырытых

вокруг деревушки. Вот еды от кулака, собаки, не перепало: то ли с собой вывез до последней крошки, то ли финские войска выскоблили все кулацкие закрома. А жаль. Еды у них было в обрез, приходилось строго нормировать и экономить, новую взять неоткуда.

Комсостав батальона рассаживался за столом, за которым не так уж и давно восседал финн-хозяин со своей семьей, может быть, с батраками, и наворачивал за обе щеки наваристые щи и жаркое. «Мысли о жратве – гнать», – приказал себе Рязанцев. И заставил себя думать только о той задаче, которую он поставит перед младшими командирами. Новый комбат ждал, когда соберутся все, сидя над разложенной картой и обхватив затылок руками. Иногда он поднимал голову и оглядывал молчаливых и уставших командиров. Они садились на лавки. Те, кто пришел с мороза, не снимали полушубки и шинели, только стаскивали буденовки, танковые шлемы, рукавицы и трехпалые перчатки, укладывая рядом с собой на скамьи – может быть, уже через минуту предстоит возвращаться на боевые позиции. Комната заполнялась кашлем, запахами овчины, гари, мазута, бензина и табака. У младшего комвзвода Лехи Мельникова перевязана голова – дурацкий рикошет от танковой брони. У старшего лейтенанта Иловану висит на перевязи прострелянная рука. Раненых тоже прибавляется каждый день. В другом доме, в самой большой из его комнат устроен их полевой лазарет. Скоро его придется расширять и на вторую комнату. Йод, бинты, спирт еще есть. Пока еще есть.

За стенами время от времени раздавались винтовочные хлопки. За ними следовали ответные выстрелы, иногда трещала очередь, и все вновь смолкало. Такая у них сейчас идет война. В светлое время финны носу не кажут из леса, но оттуда работают их снайперы. Неуловимо перемещаясь в белых масхалатах за деревьями, зарываясь в снег, они выщелкивают красноармейцев, производят выстрел и уходят, чтобы вновь подползти. Редко, но получалось истребить снайпера, обнаружившего себя выстрелом. В основном, случайно, шальной пулей. Особо лес свинцом не прошьешь – патроны настрого приказано экономить, боеприпасов никто не подвезет. А как темнеет, финны пробуют подползать к окопам и забрасывать их гранатами. Иногда им удается добросить гранаты до танков и других машин. Однажды финны отважились на ночной штурм, но были отбиты и больше подобных попыток не предпринимали, отдав предпочтение излюбленной партизанской тактике.

Комнату освещала керосинка несмотря на то, что на дворе еще не стемнело. Но пришлось заколотить все окна досками. Нельзя подносить финским снайперам таких подарков как возможность стрелять в окна.

Наконец пришли последние, кого ждал Рязанцев – отделенный командир Якуба и помкомвзвода Петрунин. Новый комбат опустил руки с затылка на карту:

– Товарищи командиры! – Рязанцев дождался, чтобы все глаза были подняты на него. – Я как командир батальона принимаю решение прорываться из окружения. Подготовку начинаем немедленно. Прорыв осуществляем двумя группами. Первая – танковая. Колесные машины бросаем. Танковая группа отвлечет внимание и даст возможность уйти второй группе. Вторая пойдет на лыжах, с санями. Прошу внимания на карту...

Комбат взял в руку карандаш, подвинул карту ближе к середине стола, но показать ничего не успел.

– Да ты что, капитан! Что несешь! В своем уме, спрашиваю! – вскочил со своего места уполномоченный особого отдела Полевой. – Товарищи! – он уткнул разведенные пальцы обеих рук в березовую столешницу, навис над столом. – Вы же знаете, вчера пришла радиogramма от товарища Штерна⁷. «Держитесь, помощь идет»! Ты, капитан, отказываешься исполнять приказ?!

⁷ Г. М. Штерн – командующий 8-ой армией.

– Когда она придет? Откуда она придет? – Рязанцев стиснул кулаки, в одном из которых оказался зажат карандаш. Говоря, он постукивал кулаками о стол. – Дорога Лавоярви-Лемети перерезана, дорога Уома-Кяснясоля перерезана. Тридцать четвертая «элтэбээр»⁸ в кольце. Сто семьдесят девятый «эмэсбэ»⁹ вот уже неделю безуспешно пробивается к ним, несет потери и сам может быть окружен. Раньше чем через две недели помощи не будет. Эх, кабы знать, что две недели! А то и месяц! Что тогда останется от батальона?

– Товарищи! – уполномоченный особого отдела Полевой выпрямился, завел большие пальцы под ремень, с силой провел под ним, оправляя гимнастерку. Медленно обвел взглядом комсостав, его губы дрожали. – Налицо пораженчество и паникерство. Я уверен, причиной тому элементарная трусость капитана Рязанцева. Он хочет спасти свою шкуру ценой нарушения приказа, любой ценой. Мы – советские люди, мы не можем бежать от врага...

– Садитесь! – перебил Полевого комбат. – Выскажете особое мнение в штабе, когда каждому из нас дадут оценку, а сейчас будете подчиняться.

– Я запрещаю выход из окружения! – громко и размеренно сказал особист.

Рязанцев врезал обоими кулаками по столу.

– Я командир батальона и мои распоряжения выполнять!

– А я здесь поставлен партией и народом, чтобы не допустить предательства, – уполномоченный особого отдела опустил руку к кобуре, расстегнул ее. – Чтобы заставлять исполнять приказы командования, – Полевой вызволил из кобуры наган, направил его на Рязанцева. – Пресекать измену.

– Отвечать перед партией и народом за судьбу батальона буду я, командир батальона, – капитан смотрел в направленное на него подрагивающее дуло. – А ты, Полевой, будешь мне подчиняться. Опусто оружие и сядь на место!

– Именем Союза Советских Социалистических Республик, пользуясь вверенными мне особыми полномочиями, – рука особиста перестала дрожать. Командиры взводов и отделений превратились в камень и перестали дышать. Неизвестно, что творилось в голове каждого из них, на чьей стороне они были. Вмешиваться они не имели права и не вмешивались.

– За трусость и предательство я приговариваю капитана Рязанцева к расстрелу.

– Не делай глупости, Полевой, – устало проговорил Рязанцев.

Выстрел оглушил собравшихся в комнате, окутал пороховым дымом. Уполномоченный особого отдела Полевой быстро обошел стол, на ходу возвращая наган в кобуру, приподнял навалившегося грудью на столешницу расстрелянного им комбата, вытащил карту, на которую уже начала натекал кровь.

– Командование батальоном как старший по званию я беру на себя, – сказал Полевой, бросив карту на другой край стола. – Заместителем назначаю старшего лейтенанта Иловану. Товарищ Якуба, распорядитесь, чтобы капитана перенесли... Хотя, может, и не должен он лежать рядом с теми, кто не дрогнул, не испугался врага, а до последней капли исполнял свой долг бойца и советского человека. Но особую могилу ему рыть много чести, а бросать, как собаку, в снег – это все-таки не по-человечески...

2

Капитан слышал, как заговорила пушка, когда полз под брюхом грузовика к заднему борту. Танковая! Значит, уцелел один. Это здорово. Но он мог уцелеть, только если добрался до того берега. Значит, бьет оттуда. Минометы, минометы надо накрывать, должны сообразить.

⁸ ЛТБР – легкая танковая бригада.

⁹ МСБ – мотострелковый батальон.

За задними колесами лежали и вели винтовочный огонь выпрыгнувшие из кузова люди. И продолжали спрыгивать. Шепелев увидел среди них Тимофея и Омари. Капитан выскочил из-под грузовика, уцепился за задний борт, подтянулся и нырнул под брезентовый полотно. Он сразу наткнулся на сержанта Когана. Лева рвал зубами упаковку бинта, стоя на коленях перед стонущим человеком. Раненый, уже снявший даже гимнастерку, пытался сам стянуть свитер, рукав которого пропитался кровью.

– Ящики с консервами! – закричал капитан тем, кто находился в кузове. – Выбрасывайте вниз, ставьте по обе стороны и ложитесь за них!

Капитан знал, что в грузовике не было ящиков с оружием, там были продукты.

– Товарищ! – Шепелев ухватил за рукав шинели заместителя политрука. – В какой машине огнемёт?

Об огнемёте, что везли на позиции, капитан слышал от погибшего комиссара. Тот с юношеским восхищением говорил об огнемётных танках, самом страшном оружии для вражеских дотов, с их помощью мы должны сломить противника.¹⁰

Только вот жаль их мало, ещё бы надо. И сказал, что везет колонна один фугасный огнемёт на подмогу нашей армии. Но недостаточно этого, ох, недостаточно, просто мало. Больше нужно, нужно собрать по всей стране, мобилизовать промышленность на их выпуск. Капитан вполуха слушал его восторги и пожелания, думал о своем, а нет, чтобы спросить, в каком грузовике едет огнемёт.

– Не знаю, – замотал головой замполитрука. – Не знаю.

Политработник плохо слушающимися руками прилаживал к «Маузеру» деревянную кобуру-приклад.

– Я знаю! – крикнул раненый, которому сержант Коган помогал стягивать свитер, и застонал, закатив глаза от боли. Но справился и договорил: – В Анохинский грузили... Второй после топливных машин...

Пулеметная очередь прошла по кузову, доски вздрагивали и трещали, в брезенте добавились новые отверстия. Капитана сбил с ног повалившийся на него замполитрука, так и не сумевший прикрепить к «Маузеру» приклад. Выбравшись из-под упавшего, Шепелев наклонился над ним и увидел, что помочь ничем нельзя. Из простреленного виска замполитрука толчками выплескивалась кровь и расплзалась по грязной наледи досок черной лужицей, над которой поднимался пар. «Если смерти, то мгновенной...» Это правда. Сейчас так лучше. Даже, если все быстро закончится, спасти все равно удастся только легкораненых. А как скажите сделать так, чтобы закончилось быстро?

Капитан быстро расстегнул ремень и полушубок, бросил его на лавку, идущую вдоль борта кузова, остался в стеганой ватной фуфайке. Ремень, кобуру и в ней ТТ он с собой брать не собирался. Пистолетом сейчас много не навоеешь. Потом он распустил на шапке уши и связал их внизу. Мина ударила где-то перед кабиной грузовика, встряхнув машину ударной волной. Ее осколки приняла на себя кабина, лишь некоторые долетели до кузова, разорвав брезент наверху. Артиллерийские снаряды рвались далеко в лесу. Значит, танк нащупывает минометы. Правильно.

Капитан помог скинуть вниз один из дощатых ящиков с консервами и спрыгнул следом. Какое никакое, а можно из них соорудить полевое укрытие, затолкав под грузовик. Сверху закрывает машина, спереди ящик, сзади поставить такой же. Продукты, конечно, попортятся...

Шепелев пробежал расстояние между машинами со спринтерской скоростью и прыгнул под кабину. Передохнул за колесами пару-тройку секунд и пополз, огибая бойцов, ведущих стрельбу из-под грузовика, огибая трупы. Кругом разрывалось, трещало, стучало, сви-

¹⁰ Танки ОТ-26, принимали активное участие в Финской войне.

стело и просвистывало, хлопало, лязгало, падало, вскрикивало, вопило и материлось. Через эту симфонию капитан полз, бежал и снова полз. Ему требовалось преодолеть больше половины длины колонны. Если раньше не подстрелят...

Кабины были изрешечены пулями, водители убиты. Засевшие в лесу стрелки никого не подпускали к тракторам, сразу переводя огонь на тех, кто пытался все-таки добраться до них и попробовать отвести машины до безопасного участка. Пули щелкали и по бронелистам двух волокуш, прицепленных к одному из тракторов. Оружие добровольцам должны были выдать в прифронтовой зоне. Только старшина оказался при винтовке, единственный на две волокуши с бойцами. Когда колонну атаковали, он вытащил ее из плащ-палаток, наваленных на днище саней.

– Расступись, – старшина протиснулся к борту, передернул винтовочный затвор. Когда затрещала длинная пулеметная очередь, старшина приподнялся над бортом, повел стволом, выстрелил и мгновенно нырнул обратно под защиту брони.

– Попал? – спросил Жох.

– Дайте мне, старшина, – вдруг пополз по плащ-палаткам и через ноги тот, кто во время стоянки, бегал вокруг саней. – Я – ворошиловский стрелок. Я занимался. Из ста выбивал девяносто восемь. С двухсот шагов, а тут меньше. Дайте!

Доброволец ухватился за цевье винтовки.

– Держи, – уступил старшина, – только прячься сразу, как пальнешь. Понял?

– Ага, – парень сбросил рукавицы, снял «буденовку» и взял оружие. Под прикрытием бортов приложил приклад к плечу, задрал ствол вверх и посмотрел на небо сквозь прицел. Затем опустил винтовку на колени и принялся вслушиваться в трескотню выстрелов, поворачивая голову. Потом вновь приставил приклад к плечу, положил палец на спусковой крючок, держа ствол опущенным к днищу. И вдруг поднялся в санях в полный рост.

– Ложись! – заорал старшина, встал на колени, протянул руку к поясному ремню стрелка, чтобы втащить его обратно.

Но ворошиловец выстрелил раньше. Раньше, чем старшина успел схватить за ремень. И раньше, чем пулеметная очередь прошла над бортом и одна из пулеметных пуль угодила стрелку в горло. Он упал на руки Жоху. Парень изогнулся и застонал.

– Ты слышишь меня? – закричал ему в ухо Леонид. – Ты попал, понял?! Замочил гада, попал!

Парень умер, Жоху показалось, что перед последними судорогами тот улыбнулся. А пулемет, действительно, замолчал. Он заговорил чуть позже, кто-то другой из тех, кто ползал по лесу, добрался до него и продолжил стрельбу. Это случилось тогда, когда начался минометный обстрел. А до этого в бронесанях Жох заставил всех слушать себя:

– Да что тут просто так сидеть в консервной банке! Как скотине! Вникай сюда! Не вагон же пуль у этих фраеров с собой...

Когда капитан нырнул под первую из пяти автоцистерн, ни одна из них не горела. Везет, что еще скажешь. Шепелев полз под машиной, под которой не было прячущихся бойцов и сильно воняло бензином, полз со всей возможной быстротой. Минометы, по крайней мере, с одной стороны леса целенаправленно подбирались к топливным емкостям. Мины ложились близко, осколки звякали по толстым, круглобким топливным резервуарам. Вопрос времени. Приходилось лишь удивляться, как цистерны еще не взлетели на воздух. Вот, увидел капитан, на землю из простреленного или пробитого банка течет светлая бензиновая струйка. Еще проползти под двумя машинами. Пули уже не так беспокоили как эти струйки от дремлющих над его головой тысяч литров горючей жидкости, способных сжечь телесную оболочку в звании капитана за какие-то смешные по сравнению с прожитыми им тридцатью тремя годами мгновения.

Последняя автоцистерна. Пройдено, проделано на брюхе полпути. До задних колес десять раз оторвать локти от дорожного снега, десять раз выбросить вперед согнутую в колене ногу, десять раз оттолкнуться ребрами подошв.

Разбитая колонна

То, что услышал капитан за спиной, не походило на звуки, к которым он уже стал привыкать. Какой там разрыв мины или даже снаряда. Оглушительный хлопок, словно лопнул воздушный шар размером с дирижабль. Не успел! От попавшей ли мины или всего лишь от пули, выбившей искру о стенку цистерны, вспыхнули бензиновые пары, и мощь, заключенная в тесные топливные емкости, разорвав их в клочья, вырвалась наружу. Одна из задних цистерн. Сейчас наступит очередь остальных, тоже пробитых (скорее всего, бронебойными пулями). Оставалось, что называется, спичку поднести. Веселую цепную вакханалию подхватит и та гигантская бочка с жидкой смертью, что находится у него над головой.

Шепелев выкатился из-под днища автоцистерны. Краем глаза ухватил разрастающиеся в его сторону черные клубы, из которых выглядывали пионерскими галстуками красные языки. Оттолкнувшись двумя ногами, «ласточкой» капитан нырнул, как в воду, в сугробы. Ухнув в холодную, забившую глаза белизну, почувствовал, как над головой пронеслась волна невероятного жара. Виляя телом и по-кротовьи работая руками, капитан зарывался в снег как можно глубже...

3

...Горящие автоцистерны, под которыми таял дорожный снег и ручьями стекал на обочину, поделили колонну надвое. Из одной половины в другую перебраться было невозможно. Тогда придется огибать огонь и жар по сугробам, подставляясь под пулеметный, автоматный и винтовочный огонь финнов. За подожженными автоцистернами во второй, задней, части колонны находились три грузовика, трактора и волокуши. Над бронесанями вырастали головы и силуэты по пояс бойцов в белых масхалатах. Пули, вылетающие из лесных сугробов, проходили сквозь головы, заставляя их вздрагивать, пробивали грудь. Иногда целые очереди прошивали белые маскировочные балахоны. Над бронелистом волокуш через равные паузы появлялось винтовочное дуло и звучал одиночный винтовочный выстрел.

— Мой уже никуда не годится, — сказал Жох, рассматривая выданный вчера на складе вместе с остальным обмундированием масхалат, верхняя часть которого сейчас была плотно набита тряпками. Сквозные пулевые отверстия разодрали грудь и спину чучела в лохмотья.

— Ну, ты и ловчила, парень, — сказал старшина, достававший из подсумка патрона и заряжавший винтовку.

– Ты, прав, старшина, жох я. Натурально, – согласился вор, расправляя кукле плечи. – Сколько свинца мы на себя оттянули, а, старшина?

– Хилая радость, парень, – старшина снарядил пятизарядный магазин, заслал патрон в патронник.

– Хоть такая, старшина.

Недалеко от санного борта разорвалась мина, подняв тучу из снега и дорожной земли. По бронелисту застучали осколки, волокушу встряхнуло, старшину, стоявшего на колени, бросило на Жоха. Но больше всего пострадали куклы, которых выставили в этот момент над санным бортом. Одной из них голову снесло начисто.

– Сиди и жди, ат тебя так, прилетит в санки, не прилетит, – толчком в спину возвращая старшину в прежнее положение, проворчал Жох.

– Так это и есть война, парень. Попадет – не попадет...

...Черные клубы бесновались над дорогой. Пламя жадно пожирало кислород карельского леса и сыто рыгало черными клубами во все стороны. Под прикрытием дымовой завесы капитан пробирался по придорожным сугробам. Выдергивал ноги, выбрасывал их вперед, утопал, падал, зарывался в снег головой, когда его накрывало удушливое облако, полз в снегу, что твоя землеройка. Выбирался из сугроба и снова уходил в него с головой, когда обдавало выхлопом жара. Но капитан продвигался. Выбравшись на дорогу, добежал до машины, прыгнул под нее и продолжил свой путь.

Наконец он добрался до нужного грузовика. Дорожная земля перед его кабиной была изрыта воронками. Оказавшись за передним колесом, Шепелев увидел, что живых под грузовиком не осталось. Еще вели стрельбу из кузова. Очередное попадание из леса пришлось по центру бокового борта, капитан услышал, как трещат его доски. Попадание гранатное. Финны, суки, лупили еще и из гранатометов...

А сержант Лев Коган в этот момент отбросил «Маузер» с присоединенным – доделал Лева начатое замполитруком – деревянным прикладом, из которого сержант вел огонь по лесу. Вел огонь под прикрытием заднего борта. Лева отбросил «Маузер», когда мина выбросила снежный фонтан из-под этого самого заднего борта, разметала доски ящиков и консервные банки. Лева тогда прыгнул вниз и попал точно в центр небольшой минной воронки. Он поднялся на колени и закричал. Закричал, когда увидел, во что превратились два его друга, Тимофей и Омари.

– Ложись, твою мать! – навалился на него откуда-то капитан Хромов, валя на землю. – Зашибет!..

– ...Ломай! Быстрее, быстрее! – торопил капитан двух оставшихся в живых бойцов из тех, что ехали в этой машине. Капитан тоже открывал защелки, откидывал крышки, заколоченные ящики разламывал ударом винтовочного приклада, брался за следующий. В открытом ящике капитан нашел новенький «ручник» Дегтярева.

– Почему у вас в машине пулемет, а вы с винтовкой?! – Шепелев понял, что он изливает сейчас на солдат свою нервозность: а вдруг огнемета здесь не окажется? Если лейтенант перепутал машины или обманулся комиссар, тогда его, капитана, бег под обстрелом – напрасная трата времени.

– Мы не знали, – оправдывался красноармеец в шинели и буденовке. – Нам не говорили.

Патронные и гранатные, легко узнаваемые по толщине ящики просто отставляли в стороны. В трафаретные надписи не вникали. Если не имеешь с этим дела каждый день, то не сразу вспомнишь, что означают буквенные сокращения и цифры.

– Осторожно, – Шепелев, ухватившись за шинельное сукно, оттащил бойца от огромной дыры в брезентовом пологе. – Под снайпера подставляешься.

– Товарищ капитан! – радостно позвал другой боец. – Кажется, нашел.

Из оберегающих от глаз и влаги досок, из фиксирующих реек и стружки выглядывала серебристая округлость бака, похожего на водогрей «Титан». Но в безобидном с виду баке дремала не вода, а горючая помесь керосина с мазутом.

– Ставим на попа! – скомандовал капитан, запуская руки в ящик. К нему присоединились еще две пары рук.

– Осторожно, беремся только за бока, не хватайтесь ни за какие штуки! Поднимаем!

Подняли. Резервуар с красной надписью на боковой выпуклости «ОФ-120» напоминал бак самогонного аппарата, к которому еще не присоединили змеевик. От горлового отверстия отходила длинная труба огнетушительного типа в виде неширокого раструба. Капитан окрестил ее для себя наконечником и сразу отвел наконечник от бака, направив горизонтально. Вверх-вниз водить струей можно, значит, перемещением одного наконечника, а вправо-влево – крутя вместе с трубой и бак. Понятно.

Принцип действия комиссар давеча пояснил, хотя капитан его об этом и не спрашивал. Значит так. Струя горючей смеси выбрасывается из резервуаров при помощи газов от сгорания порохового заряда. Огнемёт однозарядный, то есть струя пошла и, нравится тебе-не нравится, передумал-не передумал, а жги, пока все до конца не спалишь. Комиссар пообещал, что длина выброса сто-сто двадцать метров. То, что нужно. Теперь его врубить бы.

Так, с батареями и проводами понятно – выбрасываемая смесь загорается от накаляющейся на выходе металлической нити. Накалить ее, вдавив черную кнопку, можно хоть сейчас. Но рано.

Капитан скомандовал:

– Толкаем ящик к прорехе!

На лицах бойцов читалось уважение к хитрому баку и надежда, что это сверхоружие выручит. Хорошо бы так...

Они вытолкали ящик к дыре в брезенте.

– Увеличивай! – скомандовал капитан и рванул брезент с одного края, увеличивая дыру и сектор ведения огня.

– Садись за борт! – И сам сел. Раньше времени высовываться нечего.

– Снимайте рукавицы, – приказал он ближайшему бойцу.

Как накаляется наконечник неведомо, может, и не повредит лишняя защита. Приготовив рукавицы, капитан протянул руку к горловине бака, вытащил страхующий шплинт. А теперь, если он правильно понял, эта штуковина приводится в действие, как обыкновенная граната. Выдернуть кольцо, отвести рукоять и начинает гореть запал. Не забыть дать накал на металлическую нить – может быть, просто полить врага вонючей жидкостью не так уж и плохо, должно подорвать боевой дух, но капитан хотел большего. Ну, поехали.

Капитан встал в полный рост, обхватил наконечник, поднял его повыше. «Ну, давай же, работай! Так ведь и пристрелят, как пацана».

Наконечник чуть не вырвало из рук. Тогда б сгорели они вместе с грузовиком, а не враги. Но Шепелев удержал. А раструб рыгнул черно-красной мешаниной.

Скрученная из черного дыма и огня струя пронеслась над белой поляной и ворвалась в лес. Принявшие удар огня деревья испуганно вздрогнули, сбрасывая с себя снежный пух, вспыхнули ветви, затрещала хвоя. Огненные капли оседали на ветках и вместе с каплями растопленного снега сползали вниз, отрывались и летели в сугробы, чтобы прожечь себе путь до земли. Капитан опустил наконечник. Послушанный его воле огненный рукав нырнул к стволу. Смесь шипела, плавя снег на деревьях и земле.

Метров восемьдесят открытого пространства, что пролегли между дорогой и лесом, огнемётная струя преодолела без труда, показывая, что это не есть ее предел. Ее предел скоро выяснится.

Капитан повел наконечником в сторону. Жидкий огонь послушно сдвинулся, облизывая стволы там, где они уходили в снег, сбивая снежные наносы, оставляя полыхающие на коре и на снегу мазутно-керосиновые пятна.

Сначала показалось, будто часть пламени отделилось от черно-красной скрутки, и зажило само по себе, понеслось в лес, размахивая огненными руками. Потом стало ясно – горит человек. Вот он упал, стал кататься, потом зарылся в снег и снова выпрыгнул из него. Пламя сбить не удавалось. Запоздало осознав, что его может спасти, человек принялся сры- вать с себя пожираемую огнем одежду.

Но капитан давно не смотрел в ту сторону. Он увел огненную руку дальше, ощупывал ее кистью укрытия за стволами и в снегу. Еще один финн, пытавшийся, видимо, отползти вглубь леса, не выдержал надвигающегося шипения и треска, вскочил. Огненный выплеск дотронулся до низа его штанов, зажигая на них полукружья. Финн панически метнулся в сторону, упал, поднялся, молотя руками по штанам. И снова упал, но уже от вошедшей в тело винтовочной пули. Огнеметную атаку поддерживали огнем из стрелкового оружия бойцы, лежавшие за колесами машин и прятавшиеся за бортами кузовов.

Наконечник дрожал в руках капитана, сотрясал их давлением, под которым резервуар выплевывал закаченную в него смесь.

А потом финская засада с этой стороны леса пришла в движение по всей ширине. По засаде, как искра по бикфордову шнуру, побежала паника. Никто не хотел гореть заживо. И мало кто хладнокровно уползал, большинство вскакивали и неслись, раскрывая себя и подставляясь под винтовочный и пулеметный огонь. Спасались, уже не думая, достанет до них струя пламени или нет, хватит на них запасов горючей смеси или не хватит. Бежали, а их догоняли пули.

С одной стороны финская засада была отброшена и частично уничтожена.

Станет ли дожидаться вторая сторона засадных тисков, когда их позиция подвергнется огненному поливу? Капитан надеялся, что не станет. Ведь не могут они знать, что нет второго огнемета в колонне.

А огненно-черная рука укоротилась вдвое и продолжала укорачиваться, словно усыхая, бесполезно поливала сейчас снег между лесом и колонной. Жидкость закончилась. Однозарядный огнемет отхаркнул остатки смеси на обочину дороги и затих.

Капитан свесил наконечник на ту сторону борта и прислонился к борту по эту сторону, устало опустившись на пол. Руки дрожали от запястий до плеч. Пальцы скрючило судорогой. Не пошевелить. В кузове припахивало керосином.

Руки отходили, а капитану только оставалось ждать и слушать.

Сначала замолкли минометы. Их могли переносить на другое место, могли подвозить боезаряды или их запас мог закончиться, но вот перестали бить два пулемета. Потом замолчали все пулеметы и реже стали автоматные и винтовочные выстрелы. Наконец лес затих. Стало ясно – финны отошли.

Глава пятая

Хорошее настроение маршала Маннергейма

«На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих вооруженных сил».

Из проекта Полевого устава 1939 года

1

Главнокомандующий финской армией Карл Густав Эмиль Маннергейм прибыл в Виипури¹¹ в прекрасном настроении и в сопровождении офицеров штаба.

Можно сказать, прекрасное настроение и подвигло его совершить эту скорее не инспекционную, а разгрузочную для души поездку. И, конечно, полезную для дела поездку. Не стоит забывать, что лицемерие главнокомандующего должно поднимать боевой дух его солдат. Хотя в чем в чем, а в боевом духе своих солдат он не сомневался. Они сражаются на своей земле, они сражаются за свою землю, они слишком не хотят жить под коммунистами.

Офицеры штаба, чуткие к настроению начальства, вели себя сегодня раскованно, не делали задумчивых, напряженных лиц. Они позволяли себе громче обычного переговариваться и даже шутили. Правда, одного шутника Маннергейму пришлось осечь. Некий майор из адъютантов сострил насчет того, что русские иваны должны платить финнам деньги за то, что те учат их воевать. Шутка предназначалась другому адъютанту, но маршал услышал. Слова принес к нему порыв ветра. Но, разумеется, услышанное не испортило настроение Маннергейму. Он же не какая-нибудь кисейная барышня, чтобы его настроение зависело от порыва ветра с чьими-то словами. А такие умонастроения надо рубить, как камыши шашкой. И Маннергейм, подойдя широким, не знающим сомнений шагом и нависнув над шутником, которого одинаково превышал в росте и звании, отчетливо, отдельно, не повышая голоса произнес:

– Я, как вы должно быть знаете, молодой человек (услышав, что маршал обратился к нему как к гражданскому, майор побледнел), был генерал-лейтенантом русской армии. И я горжусь этим. Я учился воевать у русского солдата. У Ивана, как вы его изволили назвать. Если вы думаете, что тогдашние воевали тогда хорошо, а нынешние разучились, то вы ошибаетесь. В вас вселяют восторги наши победы, я понимаю. Но у русских такая национальная черта – они учатся через собственные мучения. К сожалению, очень быстро учатся. И дай вам бог на себе не испытать, как умеют воевать Иваны.

Выслушав отповедь, майор поднял взгляд с финского льва в круглом венке на шинельных пуговицах маршала на лицо маршала.

– Прошу меня простить, господин главнокомандующий, но я разговаривал не с вами.

– Ха, – барон Маннергейм обвел взглядом всех, кто прислушивался к их разговору, а прислушивались все. Вернул взгляд на дерзкого адъютанта. – Приношу свои извинения, майор.

Раздался всеобщий выдох. А Маннергейм, слегка улыбаясь, шел уже дальше вдоль линии окопов третьей линии укреплений. Третий, последний, тыловой рубеж «линии Маннергейма» начинался здесь, перед Виипури, и тянулся на северо-восток до озера Вуокса.

¹¹ Выборг.

Русскими не преодолен пока и первый рубеж. Полученные сегодня известия позволили маршалу, который до начала войны честно заявлял в правительстве, что его армия не продержится дольше двух недель, надеяться на самый лучший исход. На то, что в ближайшее время можно будет возобновить переговоры с Москвой и заключить мир на выгодных для Финляндии условиях, уступив всего лишь остров вместо полуострова Ханко. Зато так и не уступить первый рубеж обороны. А здесь, под Виипури, ничто так и не нарушит этой тишины.

Маннергейм остановился. Внизу, курчавыми волосами на теле альбиноса тянулись ряды колючей проволоки, выходя из леса и скрываясь в лесу. Снежную целостность нарушали также противотанковые рвы, надолбы, борозды траншей и видимые только отсюда, сверху, трапезиевидные входы в доты и дзоты. А сколько всего не видно с этой прекрасной точки обзора! Подземные ходы, соединяющие огневые сооружения, двести подземных казематов. Не доступно глазу, не могущему проникнуть под покрывало из гранита и земли, устройство дотов и дзотов, а некоторые из них – просто чудо инженерной мысли. Чего только стоят, скажем, многоэтажные доты с пушечными и пулеметными амбразурами, закрывающимися бронеколпаками. А в этом месте под Виипури сама природа помогала защитникам города. Как, допустим, танки и люди смогут преодолеть тот скалистый, едва не прямоугольный обрыв под огнем артиллерии и пулеметов? Это невозможно.

Маршал развернулся и сбежал вниз по естественной лестнице из валунов, покрытой естественной же ковровой дорожкой из снега. За ним устремились офицеры штаба. Мимо отдавшего честь часового Маннергейм прошел в дот, служивший также и полевым штабом. В нем сейчас прихода маршала ждало командование третьей и пятой дивизий, обороняющих Виипури.

Через пять минут главнокомандующий открыл совещание. (Маннергейм единственный из всех присутствующих обходился без знаков различия на мундире. Зачем они ему, когда его и так знает в лицо вся Финляндия). Начать маршал решил с того, чтобы поделиться частью своего хорошего настроения. Вернее, частью того, что сделало это настроение. Прекрасные известия пришли из Франции. Генерал Гамелен через несколько дней представит премьер-министру Даладье записку о высадке морского десанта под видом добровольцев в районе Петсамо¹², захвате города и дальнейшем его использовании как перевалочной базы англо-французских сил.

И уже известно, что Даладье одобрит план и его реализация – дело самого ближайшего будущего.

Маршал Маннергейм

¹² Печенга.

Вот та часть, которой собирался поделиться с офицерами главнокомандующий. К сожалению, он мог поделиться частью, а не целым. Еще одни приятные известия, поступившие сегодня утром, носили строго конфиденциальный характер и не подлежали разглашению. Сообщил их маршалу начальник финской разведки полковник Меландер, сведения пришли по его разведканалам. Но в их достоверности сомневаться не приходилось. Так вот, англичане и французы готовят бомбежки с воздуха советских нефтепромыслов с одновременным введением союзнического флота в Черное море и вторжением экспедиционного корпуса на Кавказ. Чем думают подтолкнуть Германию к вступлению в войну с Россией, а переговоры с Гитлером о совместных действиях против Сталина, которого боятся больше Адольфа, они начнут сразу после первых бомбежек нефтепромыслов. И тогда Сталина сразу станет не до Финляндии. Англичане с французами, просмаковал Маннергейм приятную мысль, собираются поторопиться, пока Сталин занят войной с Суоми, поглощен ею, она оттягивает его ресурсы.

Если бы маршалу сказали бы, что люди, которые нарушат англо-французские планы, находятся сейчас в колонне, остановленной взрывом моста на одной из лесных дорог, соединяющих русский тыл с передовой, стоят возле горящих автоцистерн, он бы только рассмеялся и с его прекрасным настроением ничего бы не случилось...

2

Лейтенант Перепелкин оказался старшим из оставшегося в живых комсостава пехотного батальона, направлявшегося на передовую. С ним сейчас и говорил капитан Шепелев. Они сидели на ящиках с консервами на обочине дороги неподалеку от одного из уцелевших грузовиков.

– Это уже хорошо, что все трактора целы. Цистерны спихнете на обочину. Туда же разбитые грузовики. Груз из них распределите по оставшимся машинам.

Капитан взглянул на догорающие автоцистерны, которые скоро превратятся в обугленные скелеты. Мимо них бойцы пронесли раненого, зажимавшего живот руками в вязаных перчатках. Перчатки были насквозь мокрые от крови.

– Дальше, товарищ лейтенант. Вы поедете старшим колонны.

Капитан прервался, потому что к ним бежал младший комвзвода, отправленный Шепелевым с поручением.

– Товарищ капитан, тот грузовик, в котором лыжи, сгорел, – молодого командира трясло, кадык ходил вверх-вниз, он тяжело проглотил слюну и продолжил. – Но я нашел другие. Они, наверное, не поместились, – он опять замолчал, тяжело вздохнув. – Тридцать пар. Сломанных много... Пули, осколки. Пар двадцать можно...

– Извините... – вдруг крикнул младший комвзвода, отбежал шага на два и его вырвало.

Капитан и лейтенант переглянулись. Понятно, что война вблизи оказалась не такой, какой казалась юноше на учебных занятиях. Оторванные ноги, вывалившиеся кишки, агония, крики, от которых закладывает уши – и это только по дороге на передовую.

– Танк доедет один, я решил, – сказал Шепелев лейтенанту. – Без лыж никто не пойдет. Все вернутся назад.

– Всего-то осталось...

– А вы пройдите, лейтенант! Зажмут вот также на дороге и куда денешься! Идти можно только лесом и только на лыжах. Хорошо, сколько-то лыж нашлось. Мне хватит.

– Идите, помогайте грузиться, – это капитан сказал оправившемуся от приступа рвоты и утирающему рукавицей рот младшему комвзвода.

– Вы продолжите путь? – с обреченностью спросил лейтенант, уже зная ответ. Блеснула в глазах Перепелкина надежда, когда услышал, что лыж почти не осталось, но вот она

пропала. Теперь именно ему придется докладывать о гибели колонны. Именно ему придется привести в тыл искалеченные машины, а также погибших, раненых и уцелевших людей, а также недоставленные боеприпасы и провиант.

– У меня свой приказ, – капитан встал с ящика. – Я обязан его выполнять. Я понимаю вас, лейтенант. Сейчас напишу рапорт о случившемся, думаю, это вам поможет. Идите, товарищ лейтенант, командуйте.

Капитан поманил Жоху, которому велел дожидаться поодаль. Вор поднялся с корточек, подошел.

– Решил? – спросил капитан.

Они пошли по дороге, направились к тому грузовику, на котором ехал капитан и его отряд.

– Отомстить хочешь? – вопросом ответил Леня-Жох.

– Я хочу их уничтожить. Потому что это возможно. Лыжи оставляют следы. Еще – потому что завтра будет следующая колонна на этой или другой дороге. Тем более я уверен, у них тут где-то лежище и серьезное. Надо попробовать до него добраться.

– Много нас пойдет?

– Ты торгуешься?

– Не угадал. Я к тому, что мужика дельного присмотрел. А за себя если говорить... то куда мне деваться теперь, капитан!

– Тогда вот что, – капитан остановился. Они только прошли грузовик с развороченными миной капотом и кабиной, с которого два красноармейца снимали уцелевшее колесо, чтобы поставить его на одну из тех машин, что готовились к выезду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.